

Варава В.В. **Седьмой день Сизифа: Эссе о смысле человеческого существования**. М.: Родина, 2020. 320 с.

Новая книга В.В. Варава имеет несколько интересных особенностей. С одной стороны, в ней рассмотрены далеко не новые для философии экзистенциальные проблемы, с другой – автор предлагает ряд оригинальных идей и тезисов. Начнем с двух цитат, показывающих круг авторских интересов и мировоззренческих установок. В предисловии читаем: «Возможно, философия обязана реабилитировать бессмыслицу, чтобы избавиться, наконец, от “ига смысла”» (с. 8). Для В.В. Варава одна из «фундаментальных интуиций» мыслящего человека – интуиция бессмысленности. Далее следует утверждение: «Вся мощь русской культуры, русский гений – это прорыв сквозь рациональное, то есть постижимое, известное и оправданное. И главный прорыв – это прорыв к истине о бессмысленности существования» (с. 23). Таким образом, понятие «бессмысленности», которое как-то связано с истиной, противопоставлено «игу смысла», выраженное в «рациональном». В начале книги не уточняется, о каком рационализме идет речь, вопрос о типах рациональности вообще не обсуждается. Однако сразу становится ясно, что проблема смысла и бессмыслицы будет исследована в контексте русской философии и литературы.

В первой же главе В.В. Варава цитирует А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, В.В. Розанова. По его мнению, именно русские писатели и поэты смогли показать бессмыслицу человеческой жизни и понять творчество как борьбу с этой бессмыслицей. В то же время на страницах книги возникают известные западно-европейские философы, и первый среди них – А. Камю с его «Мифом о Сизифе». В.В. Варава считает, что А. Камю – гуманист, занятый «героизацией», или «морализацией» образа Сизифа (с. 31). Таким образом, автор книги не приемлет «молчаливую радость», которую приписывает Камю Сизифу и его борьбе, а полагает «абсолютный гуманизм» просто вариантом античного стоицизма. «Героизации» Сизифа и стоицизму В.В. Варава противопоставляет библейскую мудрость, лишенную какой-либо богословской или философской рационализации («место встречи Экклезиаста и Сизифа», с. 48). Со всей парадоксальностью он заявляет: «Библия – не книга о Боге, а книга о Тайне» (с. 39), то есть автора привлекает не религиозное учение, имеющее догматические рамки, а сам дух Библии, обращенность к миру, полному таинственного присутствия высшей божественной силы. В.В. Варава предпочитает для библейской мудрости слово

«невыразимое», но стоит вспомнить, что традиционно используют понятие Откровения. Вся русская религиозная философия так или иначе обращалась к интерпретациям как Ветхого, так и Нового Заветов, однако В.В. Варава стремится не опираться на авторитет известных русских мыслителей, а руководствоваться избранной «фундаментальной интуицией».

Далее в книге следует размышление о смерти, в свете которой бессмыслица жизни становится еще более ясной истиной. «И возможно, что нам всегда не хватает силы духа, чтобы принять эту истину» (с. 51). В данном случае вызывает вопросы не столько любимый словесный оборот автора «возможно», сколько слово «нам». Если речь идет об абстрактных людях, то о них рассуждать нет смысла (как говорил один известный философ, «все – это значит никто»), а если автор имеет в виду себя, то истину смерти необходимо принять, так как без этого не может быть философии. Еще одно, пусть несущественное, замечание вызывает фраза: «Этот логический круг, скорее всего, сам по себе тоже бессмыслен» (с. 60). Если автор видит бессмысленность в каком-то логическом круге размышлений, то он может предложить альтернативу или другую точку зрения, а не просто констатировать бессмыслицу во всем, даже в логике, которая есть последовательность осмысленных умозаключений. В данном случае следовало бы автору сразу оговорить, чем является его книга – свободным размышлением, «экзистенциальным потоком сознания», для которого формальная логика не имеет большого значения, или концептуальной работой, имеющей продуманную последовательность. Так как автор читателю не объяснил этот аспект, попробуем разобраться самостоятельно.

По форме и стилю книга В.В. Варава – это философское эссе, но ее структура явно указывает на продуманный замысел, который выражается уже в названиях трех частей: «Фундаментальная интуиция», «Катастрофы смысла», «Еще ничего не ясно». Можно предположить, что первая часть есть своеобразное введение в проблему, вторая часть посвящена критике «смысла», а третья часть является неким итогом, раскрытием авторской точки зрения. Если так, то остановимся более подробно на второй и третьей частях, соотношении критики и утверждения.

В.В. Варава цитирует книгу С.Л. Франка «Смысл жизни», признавая ее философскую

значимость. Однако далее он утверждает, что Франк в конце своих размышлений выступает «в качестве христианского проповедника, богослова и катехизатора» (с. 127). Иначе говоря, христианский смысл жизни не может быть универсальным, он приравнивается к очередной иллюзии жизни, которой не может удовлетвориться настоящий философ. Суть иллюзии заключается в том, чтобы «дать на время человеку мнимое утешение и оправдание его существования» (с. 131). Что же предлагает В.В. Варавы? Он пишет, что остается только надежда – «надежда на неведомый смысл, на *тайную цель бытия*, которой не равен ни один из известных социально-исторических и культурных смыслов и проектов» (с. 132). Вспомним, что Г. Марсель в книге «Быть и иметь» называл надежду «князью нашей души». В.В. Варавы отвергает смысл жизни в интерпретации С.Л. Франка, но принимает христианство с совершенно другой стороны – признавая надежду. Попробуем понять, в чем смысл такого противоречия – в индивидуальных предпочтениях автора или более фундаментальных основаниях.

В книге много раз возникает образ смерти, который является одним из очевидных оснований для философствования автора. В.В. Варавы заявляет: «Онтологический вопрос о смерти в танатологических мифах не только не решен, он даже и не поставлен, и поэтому все споры о “последствиях”, то есть о том, есть ли жизнь “после” смерти или нет, не то чтобы преждевременны, они в корне бессмысленны» (с. 152–153). Смерть, по сути, выступает главным показателем бессмысленности жизни и тайны бытия. Такой же таинственностью пронизана для В.В. Варавы история, в которой «человек всегда жил во мраке таинственного предстояния неизвестной судьбе» (с. 112). Постоянное упоминание о тайне бытия делает понятным, почему В.В. Варавы принципиально отвергает религию и науку, – по его мнению, они дают слишком определенные ответы и рассеивают мрак тайны, тогда как философия «одна удерживает тайну смерти в ее неприступности и непостижимости» (с. 153). Если же сопоставить размышления В.В. Варавы о высшем предназначении философии с его заявлением о том, что «искусство выполняет сейчас функции философии, переставшей выполнять какие бы то ни было функции» (с. 88), то станет ясно, что одна из важных идей книги – борьба за философию, за ее возрождение. Все же проблемы, которые сформулированы в книге, необходимы автору прежде всего для того, чтобы показать перспективы для новой философии, которая может открыть для человечества пути к познанию истины. Какой же должна быть эта философия, преодолевающая иллюзии человека и обращенная к тайне бытия?

Прежде всего В.В. Варавы хочет расчистить путь для «новой» философии, призвав на помощь двух известных мыслителей. Он пишет:

«Мир оказался совершенно не тем, чем грезились гуманным рационалистам, создавшим свой проект несуществующей реальности. Понадобились злые гении Ницше и Достоевского, чтобы началась фундаментальная работа демистификации бытия» (с. 86). Итак, сначала должна произойти «демистификация бытия», а уже потом тайна бытия предстанет в новом свете. Кроме Ф. Ницше и Ф.М. Достоевского В.В. Варавы неоднократно ссылается на Л. Шестова – например, на его тезис, что задача философии – научить человека жить в неизвестности. Однако у Л. Шестова есть еще одна идея об открытии в философии «нового измерения мышления». Именно это «измерение мышления», на мой взгляд, пытается найти В.В. Варавы. Другой вопрос – насколько такой путь философствования открывает новые перспективы, а не является иллюзией и очередной «уловкой разума»? Если отбросить авторитеты религии и науки, отказаться от традиционно рационализма, признать правду Ф. Ницше, Ф.М. Достоевского и Л. Шестова, то остается только одинокий путь экзистенциальных поисков в полной неизвестности, которая никогда не исчезнет. Неудивительно, что большинство философов выбирают какую-то существующую традицию или школу, очерчивают себе границы мысли, за которые не выходят, или становятся обычными догматиками и эклектиками. Немногие выбирают трагедию одинокого мышления «на свой страх и риск», без чужой помощи. В книге В.В. Варавы в общем показана философия, которая в процессе развития сталкивается с новыми и новыми проблемами, когда за каждым ответом возникает еще один вопрос, то есть нет и не может быть полной остановки свободной мысли. Это значит, что философия является, по сути, непрерывным созерцанием тайны, скрывающей пусть недоступную для разума человека, но главную истину бытия.

В.В. Варавы утверждает, что философия есть «борьба за истину и смысл» (с. 198). Однако, по его мнению, только «шокирующая интеллектуальная честность может быть сегодня плодотворной» (с. 196). Честность философа заключается в признании того, что большая часть человечества существует совершенно бессмысленно, вовлеченная в систему псевдоценностей и иллюзий. Что же предлагается взамен теперь, когда человечество полностью утратило высший смысл? В.В. Варавы, как и Р. Декарт, начинает с радикального сомнения, которое распространяет на все существующие смыслы, считая их продуктами культуры, то есть переходящими. Однако если Р. Декарт через сомнение обретает очевидность в субъекте мышления, то В.В. Варавы находит только субъект надежды, но старается дистанцироваться от его религиозного

понимания, считая, что философ предназначен для борьбы, а не для смирения. Смиряться, человек признает внешний авторитет и придуманные кем-то когда-то смыслы, равные иллюзиям. Другое дело – «метафизика надежды», как ее понимает В.В. Варавы. «Надежда относится к метафизической основе человека» (с. 263), и главное – она «по своей сути абсолютно иррациональна» (с. 266). Отвергнув сначала «молчаливую радость», которую приписывал Сизифу А. Камю, В.В. Варавы в конце книги признает, что надежда есть «чистая радость, появляющаяся в самой гуще отчаяния» (с. 267). Таким образом, он не выходит за границы экзистенциальной философии, дополняя ее классические образцы личным подходом к «вечным вопросам» жизни, индивидуальной рефлексией и лирическими описаниями.

В.В. Варавы сближает философию и литературу, что опять же является характерной чертой экзистенциализма. Последнее замечание ни в какой мере не предполагает навешивание каких-либо ярлыков, так как В.В. Варавы трудно напрямую вписать в западноевропейскую экзистенциальную традицию, представленную А. Камю, Ж.П. Сартром, М. Хайдеггером и др., хотя диалог с этими мыслителями в той или иной мере присутствует в книге, в ее идейном контексте. Больше общего у В.В. Варавы все-таки с Н.А. Бердяевым и Л. Шестовым (особенно с последним, с его книгами «Достоевский и Ницше. Философия трагедии» и «Апофеоз беспочвенности»). Однако есть и ряд принципиальных различий. Если Бердяев занимался апологией творчества и свободы, а Шестов делал акцент на всемогущество Бога, то В.В. Варавы по примеру Р. Декарта выдвинул тезис: «надеюсь, следовательно, существую» (с. 267). Иначе говоря, надежда приобретает высшую, почти абсолютную ценность, дает человеку фундаментальный, хотя и рационально непостижимый, смысл, который направляет его в будущее, несмотря на бессмысленность окружающей жизни. Надежду В.В. Варавы дополняет «феноменологией чуда»: по его мнению, «чудесное» вступает в противоречие с рациональным мышлением, но существует как в области рели-

гии, так и в мире художественного творчества, является «эстетической категорией» (с. 274). Хотя В.В. Варавы считает, что «чудесное» во многом совпадает с «непостижимым», следует признать, что в конце книги «мрак» жизненной бессмыслицы несколько рассеивается, автор предлагает своеобразное оправдание существования – с точки зрения «метафизики надежды» и «эстетики чуда». И это уже не экзистенциальный протест одиночки, а эскиз незавершенного философского проекта, включающего систему фундаментальных ценностей. Даже если предположить, что такой проект никогда не получит завершения, то все равно размышления в книге «Седьмой день Сизифа» оставляют человеку надежду на выход из современных философских и культурных тупиков, о чем сам автор пишет: «...надежда возможна лишь тогда, когда мир предстает в качестве тайны, когда мы понимаем, что не только начала и концы мироздания погружены в неведомое, но и сама сущность мира, само становление бытия, есть в своей сущности тайна, таинственное становление и пребывание. И это самым невероятным образом раскрывает светлую перспективу существования, горизонт которой есть горизонт тайны» (с. 299).

О.Т. Ермишин

Ермишин Олег Тимофеевич – Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, Москва, 109240, ул. Нижняя Радищевская, д. 2.

Доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына.

oleg_ermishin@mail.ru

Ermishin Oleg T. – Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad, 2, Nizhnyaya Radishchevskaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.

DSc in Philosophy, Assistant Professor, Leading Researcher, Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-5-219-221